
СОЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

SOCIAL AND ENVIRONMENTAL PROBLEMS OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT

УДК 504.03;502.315;172.12

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРАКТИК В «ХОРОШЕМ ОБЩЕСТВЕ»

Е. А. КОВАЛЬ¹⁾

¹⁾Средне-Волжский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)» в г. Саранске, ул. Федосеевко, 6, 430003, г. Саранск, Россия

Актуализируются такие мировоззренческие основания социальных экологических практик, как антропоцентризм, биоцентризм, экоцентризм и трансгуманизм. При этом социальные экологические практики рассматриваются не в контексте социальной реальности, а в значении такого варианта социального воображаемого, как «хорошее общество». Методом исследования является сравнительный анализ, который позволяет сопоставить перспективы антропоцентризма, биоцентризма, экоцентризма и трансгуманизма как основания социальных экологических практик в структуре либеральной и коммунитаристской моделей «хорошего общества». Результат исследования – это определение наиболее конструктивного сочетания мировоззренческого основания практик, осуществляемых с целью сохранения нон-антропоной природы, и модели «хорошего общества». Установлено, что для либеральных моделей оптимальным основанием социальных экологических практик является антропоцентризм; для коммунитаристских – антропоцентризм, биоцентризм и экоцентризм. Поскольку трансгуманизм – это мировоззренческая позиция, базирующаяся на ценности преодоления человеком всего, что его ограничивает, включая старение и смерть, то он ориентирован на постчеловека, для которого будут актуальны альтернативные формы социальности.

Ключевые слова: социальные экологические практики; «хорошее общество»; антропоцентризм; биоцентризм; экоцентризм; трансгуманизм.

Образец цитирования:

Коваль Е. А. Мировоззренческие основания социальных экологических практик в «хорошем обществе» // Журн. Белорус. гос. ун-та. Экология. 2017. № 1. С. 4–10.

For citation:

Koval E. A. World view foundations of social environmental practices in «good society». *J. Belarus. State Univ. Ecol.* 2017. No. 1. P. 5–10 (in Russ.).

Автор:

Екатерина Александровна Коваль – кандидат философских наук; доцент кафедры правоохранительной деятельности и исполнительного производства.

Author:

Ekaterina A. Koval, PhD (philosophy); associate professor of law enforcement activities and enforcement proceedings department.
nwifesc@yandex.ru

Благодарность. Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта «Нормативные основания "хорошего общества"» (грант Президента РФ МК-5295.2016.6).

WORLD VIEW FOUNDATIONS OF SOCIAL ENVIRONMENTAL PRACTICES IN «GOOD SOCIETY»

E. A. KOVAL^a

^a*Middle Volga Institute (Branch) of Russian State University of Justice (MOJ Russia RLA) in Saransk, Fedoseenko street, 6, 430003, Saransk, Russia*

The article is devoted to the analysis of such world view foundations of social ecological practices as anthropocentrism, biocentrism, ecocentrism and transhumanism. At the same time, social ecological practices are considered not in the context of social reality, but in the context of such variant of social imaginary as «good society». The main research method is a comparative analysis that allows one to compare the perspectives of anthropocentrism, biocentrism, ecocentrism and transhumanism as the basis for social ecological practices in the structure of liberal and communitarian models of «good society». The main result of the study is the definition of the most constructive combination of the world view foundations of practices carried out with the aim of preserving the non-anthropocentric nature and the model of «good society». It is established that anthropocentrism is the optimal basis for social ecological practices in liberal models and for communitarianism models anthropocentrism, biocentrism and ecocentrism. Transhumanism is a world view that is based on the value of overcoming by person of limiting everything, including aging and death. So transhumanism is focused on posthuman for which are likely to be relevant alternative forms of sociality.

Key words: social environmental practices; «good society»; anthropocentrism; biocentrism; ecocentrism; transhumanism.

Acknowledgements. The article is prepared within the framework of research project «Normative grounding of "good society"» (grant of the President of the Russian Federation MK-5295.2016.6).

Введение

В настоящее время существование глобальных экологических проблем, причиной которых стала человеческая деятельность, является неоспоримым фактом, подтверждающимся эмпирическими данными. Однако в социальном воображаемом по-прежнему сформированы представления об этих проблемах как о чем-то отдаленном и гипотетическом, что влечет за собой легкомысленное отношение к данным вопросам в повседневности, нежелание практиковать «малые дела» большинством граждан, формирование скептического отношения к таким мировоззренческим позициям, как биоцентризм и эоцентризм. Отметим, что под *социальным воображаемым* понимается совокупность представлений членов общества о нормах, ценностях, социальных практиках, существующих здесь и сейчас, о своем месте в обществе и о том, к чему стремится общество, каким оно будет в обозримом будущем.

Учитывая кризисное состояние не-антропоцентричной природы, как и человеческого общества, необходимо отметить, что формирование представлений о будущем в современном мире весьма проблематично. Люди отказываются от долгосрочных планов, поскольку изменчивые социально-природные реалии не позволяют успешно прогнозировать и планировать достижение социально значимых целей. Многие социальные практики имеют короткий «период полураспада»: едва возникнув, они модифицируются, а затем заменяются на другие, иногда противоположные по содержанию первоначальным. Эта тенденция характерна и для социальных экологических практик, под которыми понимаются «...системы индивидуальных и коллективных действий, обусловленных состоянием культуры и уровнем развития общества, изменением характера взаимодействия человека и общества с природной средой, с целью восстановления разрушенных экосистем и сохранения существующих» [1]. Можно предположить, что на содержание и эффективность реализации социальных экологических практик влияет не только текущий уровень развития общества, но и направление общественного развития, такое состояние общества, к которому следует стремиться.

На наш взгляд, перспективной эволюционной целью сегодня является «хорошее общество» – версия социального воображаемого, которая обладает следующими атрибутивными характеристиками: принципиальная достижимость и пригодность для жизни. «Хорошее общество» базируется на «хороших ценностях», относительно которых большинству его членов удалось достичь единомыслия. В научной

литературе разработаны различные модели «хорошего общества», которые по содержанию могут быть классифицированы на либеральные и коммунитаристские. Эти модели имеют различное ценностно-нормативное содержание, поэтому реализация социальных экологических практик, необходимых для сохранения нон-антропоной природы, также имеет разное мировоззренческое обоснование. Таким образом, можно предположить, что люди, стремясь к «хорошему обществу», поддерживают одни социальные практики и препятствуют распространению других, не соответствующих ценностно-нормативным характеристикам, циркулирующим в социальном воображаемом. Следовательно, содержание и эффективность социальных экологических практик будет зависеть, во-первых, от модели «хорошего общества», во-вторых, от того, какой мировоззренческий базис обеспечивает реализацию этих практик, что движет людьми, когда они, например, уменьшают свой экологический след, увеличивают его или не задумываются о последствиях своей деятельности, отражающихся на состоянии окружающей среды. Ключевыми мировоззренческими основаниями социальных экологических практик являются антропоцентризм, биоцентризм, эоцентризм и трансгуманизм.

Материалы и методы исследования

Основным методом исследования является сравнительный анализ. Его выбор обусловлен тем, что он позволяет сопоставлять различные варианты мировоззренческих базисов, регламентирующих содержание социальных экологических практик в контексте либеральных и коммунитаристских моделей «хорошего общества».

Результаты исследования и их обсуждение

В настоящее время в научной литературе описаны различные модели «хорошего общества», которые можно по ценностно-нормативным акцентам классифицировать на либеральные и коммунитаристские. При этом необходимо отметить, что существуют модели синтетического плана. Их сложно отнести к тому или иному варианту, например, модель В. Г. Федотовой, основанная на таких параметрах, как стабильность, безопасность и обеспечение возможностей для развития граждан [2]. Однако рассмотрение мировоззренческих оснований социальных экологических практик в рамках синтетических моделей является предметом отдельного исследования.

Первые модели «хорошего общества» носят либеральный характер. Так, в 1937 г. была опубликована книга У. Липпманна «Хорошее общество», в которой он выступил с резкой критикой коллективизма как базовой социальной ценности. Согласно Липпманну, «хорошее общество» – это общество, в котором приоритет имеют индивидуальные права и свободы, свободный рынок и верховенство закона над людьми [3]. Представляется обоснованным предположить, что в описываемой модели приоритетным основанием социальных экологических практик будет антропоцентризм, причем в его жесткой модификации. Антропоцентризм представляет собой такую мировоззренческую позицию, в которой носителем прав и свобод, субъектом и объектом ответственности, «мерой всех вещей» является человек. Природа в этом контексте воспринимается как ресурс для обеспечения потребностей человека и общества. Впрочем, данная модель была сформулирована в 30-е годы прошлого века, когда только начала развиваться социальная экология, а до появления экологической этики оставалось более тридцати лет, следовательно, позитивным социальным экологическим практикам не уделялось должного внимания в масштабах общества.

Остановимся на более новой либеральной модели, предложенной Дж. К. Гэлбрейтом в 1996 г. Согласно Гэлбрейту, «в хорошем обществе все граждане должны иметь персональную свободу, базовое материальное благосостояние, расовое и этническое равенство, возможность прожить стоящую жизнь» [4, с. 4]. В анализируемой модели атрибутивные элементы также имеют антропоцентрический характер. Однако необходимо отметить, что антропоцентризм, особенно в жесткой форме, где человек выступает не заботливым хозяином или управляющим, обязанным охранять вверенные ему природные ценности, а потребителем природных ресурсов, влечет за собой негативные последствия, которые должны быть преодолены и в либеральном «хорошем обществе», разумеется, не в ущерб правам человека. С учетом того, что одно из фундаментальных прав – это право на благоприятную окружающую среду, анализируемая ситуация не содержит противоречия. Например, в «хороших обществах» либерального типа большинством признается антропоцентрический характер причины глобального потепления. Эмиссия парниковых газов должна быть сокращена, чтобы люди могли в полной мере реализовать свое право на жизнь. Принципиальную важность этот вопрос приобретает в контексте анализа прав будущих поколений. Таким образом, перед обществом встает проблема, связанная с поиском компромисса между экологической устойчивостью и развитием рыночной экономики. С одной стороны, необходимо изменять социальные практики таким образом, чтобы препятствовать глобальным изменениям климата,

но, с другой стороны, негативные последствия глобального потепления проявятся в будущем, а ряд проблем, которые необходимо решить обществу, чтобы соответствовать статусу хорошего, не могут быть отложены на потом (например, противодействие экстремизму и терроризму, борьба с эпидемиями, голодом и др.).

Еще одна либеральная модель «хорошего общества» создается здесь и сейчас в рамках проекта Л. Кенуорти. Он является автором курса «Хорошее общество», который читается им в различных американских университетах. Проект Кенуорти представляет собой электронный ресурс, который постоянно дорабатывается с учетом актуальных изменений социальных реалий и трансформации социального воображаемого. Электронная книга содержит несколько постоянно обновляемых и дополняемых глав, каждая из которых посвящена тому или иному атрибуту, которым, по мнению автора, должно обладать «хорошее общество». Ключевыми атрибутами в модели Кенуорти являются динамичность, открытость, инклюзивность, демократия, экономическая безопасность [5]. Он акцентирует особое внимание на поиске компромиссов, которые должны быть найдены и применены органами управления и институтами гражданского общества в целях того, чтобы общество было хорошим. Только в идеальном обществе возможно достичь всего и сразу. «Хорошее общество» достижимо, поэтому, безусловно, не может удовлетворить все потребности всех своих членов. В «хорошем обществе» позитивные социальные экологические практики неизбежно будут сочетаться с негативными. При этом, в случае если преимущество имеет антропоцентризм, представляется, что позитивные социальные экологические практики (практика «малых дел», уменьшение экологического следа и др.) постоянно будут конфликтовать с иными социальными практиками, носящими антропоцентрический характер. Впрочем, необходимо отметить, что в либеральных моделях «хорошего общества» мировоззренческим основанием социальных экологических практик может выступать не только антропоцентризм, но и биоцентризм.

Под биоцентризмом понимается мировоззренческая позиция, основанная на идее внутренней ценности каждого живого существа. Человек в биоцентрическом мировоззрении – это только один из элементов биоразнообразия. Однако у него особый статус: если нон-антропная природа является объектом ответственности, то человек как единственное рефлексизирующее существо – одновременно и единственный субъект ответственности. Человек отвечает за каждую жизнь, отобранную им у другого живого существа. В отдельных версиях биоцентризма задача человека – не просто оберегать природу и заботиться о ней, как это предусмотрено в мягком антропоцентризме, но и благоговеть перед ней. Так, согласно А. Швейцеру, «поистине нравствен человек только тогда, когда он повинуетя внутреннему побуждению помогать любой жизни, которой он может помочь, и удерживается от того, чтобы причинить живому какой-либо вред» [6, с. 307].

Биоцентрические мировоззренческие убеждения, реализуемые в современных либеральных моделях «хорошего общества», вполне могут обеспечивать поддержку большинства позитивных социальных экологических практик при условии, что они не будут вступать в конфликт с персональной свободой как основной либеральной ценностью и не станут противоречить принципу достижимости, без которого «хорошее общество» немыслимо. Так, в либеральных версиях «хорошего общества» не может быть популярным и распространенным такой мировоззренческий концепт, как левый биоцентризм, поскольку он носит анархический и антикапиталистический характер. Мы полагаем, что ни экоцентризм, ни трансгуманизм не характерны в качестве мировоззренческих оснований социальных экологических практик в либеральном «хорошем обществе», о чем будет сказано далее.

Принципиальным оппонентом либеральных представлений о «хорошем обществе» выступил А. Этциони. В 2001 г. он опубликовал работу «Будущее: дорога к "хорошему обществу"» [7], в которой раскрыл ключевые аспекты коммунитаристской модели анализируемого варианта социального воображаемого. Ученый полагает, что в «хорошем обществе» должен быть найден разумный баланс между рынком, государством и системой сообществ, так называемым «третьим сектором». При этом и государство, и рынок – только инструменты для поддержания функционирования системы сообществ, которая обеспечивает благо в социальном масштабе. Базовой ценностью в коммунитаристском «хорошем обществе» является особый нормативный механизм регуляции поведения людей – голос морали [8]. При этом индивидуальная автономия и социальный порядок не вступают в конфликт, не ставят людей перед мучительным выбором, когда для того, чтобы получить что-нибудь нужное, необходимо прежде отказаться от чего-нибудь нужного. Достижимость данной модели обеспечивается тем, что в обществе формируются устойчивые социальные связи и достигается единомыслие относительно ключевых ценностно-нормативных параметров общества.

Можно предположить, что в контексте коммунитаристской модели «хорошего общества» с равным успехом могут фигурировать в качестве мировоззренческих оснований социальных экологических практик и антропоцентризм, и биоцентризм, и экоцентризм (но не трансгуманизм). А. Этциони отмеча-

ет, что обязательным атрибутом «хорошего общества» является не только общность ценностей, но и их позитивное содержание. По его мнению, «...если члены общности единодушны в том, что следует линчевать незнакомцев, вторгающихся на их территорию, <...> или в том, что женщины – граждане второго сорта, очевидно, что такой консенсус не делает такие соглашения морально хорошими» [8, с. 94]. С учетом того, что позитивные социальные экологические практики, безусловно, являются хорошими ценностями, любая мировоззренческая позиция, которая будет способствовать их реализации, может претендовать на успех в коммунитаристском «хорошем обществе». С большой долей вероятности можно предположить, что более продуктивными в этом смысле являются биоцентризм и экоцентризм. Антропоцентризм, безусловно, тоже может поддерживать позитивные социальные экологические практики, однако нон-антропные природные объекты воспринимаются как инструментальные ценности. Так, согласно антропоцентрическим представлениям, природу нужно охранять, поскольку она имеет ресурсную, рекреационную, эстетическую значимость для человека.

Биоцентризм в контексте коммунитаристской модели «хорошего общества» вполне может иметь популярность – если не в масштабах всего общества, то в пределах отдельных социальных групп или общностей, которые, по мнению Этциони, и являются элементами общества в целом. Однако популярность биоцентризма в таком обществе зависит от того, как этот мировоззренческий концепт влияет на достижимость общества. Если общество, благоговеющее перед жизнью, принимает черты утопии или теряет такие важные атрибутивные характеристики, как крепость социальных связей или возможность осуществления морального диалога (мегалого), то приоритет будет отдаваться иной мировоззренческой позиции. Но когда обозначенных проблем не возникает, то биоцентризм вполне может обеспечить формирование, распространение и укрепление позитивных социальных экологических практик. Биоцентрический поворот в сознании рядового обывателя способен изменить его повседневные привычки, подвигнуть к отказу от ряда материальных благ в целях сохранения своей жизни, жизни других людей и иных живых существ (отказ от ношения натурального меха, поездок на личном автомобиле с целью сокращения выхлопов, использование пластиковых упаковочных материалов, вегетарианство, веганство и т. п.).

Для последовательного биоцентриста моральным субъектом является не только человек, но и любое живое существо, поэтому в коммунитаристской модели «хорошего общества» социальные связи могут трансформироваться в биосоциальные связи, обеспечивающие воспроизводство позитивных социальных экологических практик.

В еще большей степени представляется актуальным для коммунитаристского «хорошего общества» такая мировоззренческая позиция, как экоцентризм. Последний основан на том, что ценность имеет экосфера в целом и экосистемы как ее элементы. При необходимости сохранения экосистемы, вполне допустимо пожертвование индивидом. А. Этциони считает, что общество состоит не из автономных разрозненных индивидов, а из сообществ, внутри которых формируются тесные социальные связи. Сообщества, взаимодействуя друг с другом, образуют динамичное, но устойчивое «хорошее общество», не исключающее конфликтов и предполагающее возможности исключения тех, кто принципиально игнорирует общепринятые ценности. Основанием для исключения не может быть раса, национальность, пол, возраст, сексуальная ориентация, религиозные, экологические или иные убеждения. Но, например, террористическое или иное преступное сообщество вполне может быть исключено и изолировано посредством применения правовых и моральных санкций. Экоцентризм коррелирует с представлениями ученого о структуре общества. Экосфера также состоит не из индивидуальных организмов, а из экосистем, где элементы живой и неживой природы теснейшим образом взаимодействуют между собой, и нарушение функционирования хотя бы одного элемента влечет к нарушениям в масштабах всей экосистемы.

В коммунитаристском «хорошем обществе» устанавливается приоритет целого над частью, что вполне соответствует ключевым положениям экоцентризма. Вследствие этого представляется перспективным формирование экоцентрического мировоззрения у членов «хорошего общества» коммунитаристского типа. Однако необходимо помнить о том, что превалирование общего интереса над частным не должно принимать радикальных форм, в противном случае управление обществом может принять тоталитарные черты. Так, нельзя принудить человека благоговеть перед жизнью. Это может быть только волевой индивидуальный ответственный выбор. В либеральных моделях «хорошего общества», на наш взгляд, экоцентризм не сможет обеспечить воспроизводство позитивных социальных экологических практик, поскольку он принципиально не сочетается с такими признаками, как персональная свобода и антиколлективизм.

Итак, на данный момент осталась неразрешенной проблема определения перспектив трансгуманизма как мировоззренческого базиса для социальных экологических практик. По нашему мнению, ни для либеральных, ни для коммунитаристских моделей «хорошего общества» трансгуманизм не характерен.

На первый взгляд, это может быть обосновано тем, что трансгуманизм в определенной степени утопичен, в то время как «хорошее общество» достижимо. До настоящего времени не решена проблема бессмертия человека, не найдены способы лечения ряда заболеваний, несовместимых с жизнью, и т. д. Но при более пристальном рассмотрении можно убедиться в том, что трансгуманизм принципиально несовместим с иными атрибутами «хорошего общества».

«Трансгуманистическое мировоззрение строится на предположении о том, что эволюция человека еще не завершена, и на очередном витке развития человечество сможет преодолеть не только старение, но и смерть, то есть выйти за пределы своих психологических и физических возможностей. Трансгуманизм формирует определенное социальное воображаемое, которое является движущей силой деятельности тех людей, которые верят в победу НБИКС-технологий и в качестве своей базовой смыслоложившей ценности видят выход за пределы человеческого» [9, с. 280].

Критические исследования сущности трансгуманизма содержат предположения о том, что одним из последствий реализации трансгуманистических идей станет создание постчеловека и постчеловечества. Спрогнозировать точные характеристики постчеловека крайне сложно, особенно если речь идет о его ценностях и практиках, которые он будет реализовывать. Это связано с тем, что постчеловек с большой долей вероятности будет автономным существом с уникальной сферой потребностей, включая потребность во включении в социум. Так, Н. Бостром отмечает, что «постлюди наверняка придумают совершенно новые формы общественной жизни» [10]. Сверхчеловеческие возможности не могут не отразиться на структуре общества, поэтому можно предположить, что ни одна из существующих версий «хорошего общества» постчеловечеством не будет востребована. Впрочем, большие перспективы развития трансгуманизм будет иметь в либеральных моделях «хорошего общества», где упор делается на автономного индивида, его правах и свободах, а также на его максимальной независимости от государства, общества, социальных институтов. Однако в трансгуманистическом обществе сложно определить границы, за которыми не будет не только «хорошего общества», но и какого-либо еще. Для коммунитаристской версии трансгуманизм не характерен, поскольку для постчеловека, который, вполне вероятно, окажется «по ту сторону добра и зла», вряд ли будут актуальны потребности в крепких социальных связях, в участии в мегалогии, в единомыслии по поводу ключевых ценностно-нормативных оснований бытия. Трансгуманизм основывается на приоритете индивидуальной автономии, а в коммунитаристской модели «хорошего общества» принципиальное значение имеет сохранение баланса между автономией и социальным порядком.

Остается нерешенным вопрос, может ли трансгуманизм в принципе являться мировоззренческим основанием социальных экологических практик. Поскольку прогнозированию состояния постобщества препятствует технологическая сингулярность, дать конкретный ответ представляется практически невозможным. Можно только предположить, что посредством НБИКС-технологий в будущем удастся решить глобальные экологические проблемы современности, а потребность в поддержании позитивных социальных экологических практик сформировать на генетическом уровне, следовательно, отпадет необходимость в формировании экологически ориентированного мировоззрения, особой системы экологического воспитания и образования. Однако на сегодняшний день наши представления о постобществе носят скорее футуристический характер. Современное общество очевидно нуждается в механизмах, способных обеспечить устойчивое и непрерывное расширенное воспроизводство позитивных социальных экологических практик.

Заключение

Итак, «хорошее общество» является актуальной и востребованной версией социального воображаемого, но при этом оно представляет собой форму, которая может быть наполнена разным ценностно-нормативным содержанием. Так, либеральные модели «хорошего общества» ориентированы на индивидуальные права и свободы человека и гражданина, материальное благосостояние, верховенство закона, инклюзию. В то же время коммунитаристские версии социально хорошего основываются на общности ценностей, приоритете моральных нормативных регуляторов над правовыми и балансе между социальным порядком и индивидуальной автономией.

Очевидно, что в современном кризисном мире любая модель «хорошего общества» должна поддерживать мировоззренческие установки и убеждения, обеспечивающие воспроизводство позитивных социальных экологических практик, целью реализации которых является сохранение природы в целом. При этом представляется обоснованной гипотеза о том, что для либеральных моделей «хорошего общества» оптимальным базисом социальных экологических практик является мягкий антропоцентризм, и, с некоторыми допущениями, биоцентризм, в то время как для коммунитаристских моделей в равной степени продуктивными могут быть и антропоцентризм, и биоцентризм, и экоцентризм,

причем эгоцентризм – в большей степени. Трансгуманизм обеспечивает воспроизводство постчеловека и непредсказуемого постобщества, поэтому вряд ли может эффективно поддерживать реализацию позитивных социальных экологических практик в какой-либо из описанных версий «хорошего общества».

Наиболее конструктивным сочетанием мировоззренческой позиции и модели «хорошего общества», на наш взгляд, является следующее: мягкий антропоцентризм в контексте коммунитаристской модели. Это предположение обосновано тем, что антропоцентрическое мировоззрение имеет многовековую историю, коррелирует с экологическими позициями, сформированными институтами мировых религий, характерно для большинства современных людей. При этом антропоцентризм как основание позитивных социальных экологических практик более продуктивен в коммунитаристском обществе, поскольку оно владеет механизмами, способными ограничить антропоцентрические потребности посредством реализации принципа сохранения баланса между индивидуальной автономией и социальным порядком. Таким образом, трансформация социальных связей в биосоциальные и приоритет коллективных интересов над индивидуальными не исключает проявления интереса к биоцентризму и эгоцентризму как продуктивным мировоззренческим позициям, способствующим тому, чтобы в «хорошем обществе» жили не только мы, но и будущие поколения людей и иных живых существ.

Библиографические ссылки

1. Рыбакова М. В. Социальные экологические практики: состояние и система взаимодействия : дис. ... д-ра социол. наук : 22.00.04. М., 2010.
2. Федотова В. Г. Хорошее общество. М., 2005.
3. Lippmann W. An Inquiry into the Principles of the Good Society. Boston, 1938.
4. Galbraith J. K. The Good Society: The Humane Agenda. Boston ; New York, 1997.
5. Kenworthy L. The Good Society. 2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://lanekenworthy.net/thegoodsociety> (date of access: 27.03.2017).
6. Швейцер А. Культура и этика / пер. с нем. Н. А. Захарченко, Г. В. Колшанского ; общ. ред. проф. В. А. Карпушина. М., 1973.
7. Etzioni A. Next : The Road To The Good Society. New York, 2001.
8. Etzioni A. The Good Society // *Seattle J. of Soc. Just.* 2002. Vol. 1, issue. 1. P. 83–96.
9. Коваль Е. А. Пределы трансгуманизма или «хорошее общество» для хороших людей // Сахаровские чтения 2017 года : экологические проблемы XXI века : материалы 17-й Междунар. науч. конф., 18–19 мая 2017 г., г. Минск, Республика Беларусь : в 2 ч. Минск, 2017. Ч. 1. С. 280–281.
10. Бостром Н. FAQ по трансгуманизму [Электронный ресурс]. URL: <http://alt-future.narod.ru/Future/trans.htm> (дата доступа: 05.03.2017).

References

1. Rybakova M. V. Sotsial'nye ekologicheskie praktiki : sostoyanie i sistema vzaimodeystviya [Social ecological practices : State and the System of interaction] : diss. ... Dr. of Social. Sci. : 22.00.04. Moscow, 2010 (in Russ).
2. Fedotova V. G. Khoroshee obshchestvo [The Good Society]. Moscow, 2005 (in Russ).
3. Lippmann W. An Inquiry into the Principles of the Good Society. Boston, 1938.
4. Galbraith J. K. The Good Society: The Humane Agenda. Boston ; New York, 1997.
5. Kenworthy L. The Good Society. 2017. URL: <http://lanekenworthy.net/thegoodsociety/> (date of access: 27.03.2017).
6. Schweitzer A. Kul'tura i etika [Civilization and Ethics]. Moscow, 1973.
7. Etzioni A. Next : The Road To The Good Society. New York, 2001.
8. Etzioni A. The Good Society. *Seattle J. of Soc. Just.* 2002. Vol. 1, issue. 1. P. 83–96.
9. Koval E. A. Predely transgumanizma ili «khoroshee obshchestvo» dlya khoroshikh lyudey [Limits of transhumanism or «good society» for good people]. *Sakharov Readings 2017: environmental problems of the century*. Minsk, 2017 (in Russ).
10. Bostrom N. FAQ po transgumanizmu [FAQ on transhumanism]. URL: <http://alt-future.narod.ru/Future/trans.htm> (date of access: 05.03.2017).

Статья поступила в редакцию 25.05.2017.
Received by editorial board 25.05.2017.